

Л.Р. Шевлякова

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
(e-mail: lubovsh1@ya.ru)

Пространственное поле героя в «другой прозе»

В статье рассматривается проблема соотношения пространственных образов текста с содержательными сторонами художественного произведения. Материалом анализа стала повесть Л.Петрушевской «Время ночь».

Ключевые слова: «другая проза», сгущенность быта, структурообразующий, замкнутое пространство, дневник, подсознание

L.R.Shevlyakova

The spatial field of hero is in "other prose"

In the article the problem of correlation of spatial characters of text is examined with rich in content parties of artistic work. The story of Л.Петрушевской became material of analysis "Time night".

Keywords: «other prose», spissatedness of way of life, gel-forming, reserved space, diary, subconsciousness

Соцреалистическая литературная и цензурная пирамида с ее проблемно-тематической и жанровой иерархией, удерживающая свои позиции до второй половины 1980-х годов, не допускала к читателю произведения, которые после ее крушения стали называть «другой литературой». Главной причиной недопущения в «большую литературу» этих произведений стало не политическое или идеологическое несоответствие установленным канонам, а иная шкала ценностей, определяющая и сюжет, и героя, и стиль, и авторское отношение к изображаемому. Беспрецедентно долгий путь к читателю прошла проза Людмилы Петрушевской. От первой публикации в 1972 году до массового интереса к творчеству писательницы издательств, критиков и читателей в конце 1980-х годов прошло почти два десятилетия.

Важнейшей причиной такого отношения к прозе Петрушевской является «сгущенность, сконцентрированность быта», которую даже нынешние умудренные жизненным и читательским опытом наши современники, принимают с трудом. Быт, превращенный в абсолюте, вбирает все мыслимые проявления человека и отношения между людьми. Основу сюжетных ситуаций Петрушевской составляют строго отобранные факты, так что получается концентрация опасная для жизни [1]. Быт поставлен Петрушевской под такую оптику, которая придает образу гротесковый характер, нарушающий границы допустимого правдоподобия.

Художественный мир повести «Время ночь» строится на основе столкновения пространственных фрагментов. Писательница тщательно передает элементы художественного пространства героев. Автор воссоздает различные аспекты внешнего мира, тесно увязывая их с характером героев произведения.

Зачастую в повести пространство героев выступает, как важнейший источник представлений их чувств и о мире, это дает нам возможность увидеть и полнее постигнуть внутренний мир героев.

Главной и центральной героиней повести Л. Петрушевской является Анна Андриановна. Ее пространственное поле зачастую ограничено пределами дома. Рассмотрим наиболее значимый для повести и для раскрытия внутреннего мира главной героини образ дома, который составляет важную часть художественного пространства и играет в повести значительную структурообразующую и сюжетно-композиционную роль.

Феномен дома рассматривался с самых различных сторон философами, психологами, культурологами, искусствоведами и литературоведами. Например, философ О.Шпенглер отмечал, что «дом – это самое чистое выражение породы, которое вообще существует... Душа людей и душа их дома – одно и то же» [2, 99]. Как указывает С.С. Аверинцев, образ дома «обжитый и упорядоченный мир, огражденный стенами от безбрежных пространств хаоса» [3, 153] является сквозным для русской литературы XX столетия.

Дом – один из основных феноменов человеческого бытия, важнейшая структура в жизни человека. М.Ю. Лотман в книге «Беседы о русской культуре» в связи с образом дома отмечает, что «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь», дом, несомненно, включен в «мир символов и знаков, составляющих пространство культуры» [4, 109]. В XX особенно в XXI столетии, как указывает в своей монографии М.Фрешли, эта связь все более и более усиливается [5, 18-23]. Дом постепенно перерастает в устойчивый мотив, играющий структурообразующую роль в литературном произведении. Это особого рода замкнутое пространство, отделенное от внешнего мира. В этом месте человек не может прибегнуть ни к чьей защите. Он остается один перед лицом судьбы.

Характеризуя реальное пространство Анны Андриановны, следует отметить его постоянство. Этим пространством является ее дом. Основные сюжетные события происходят именно в доме героини, пространственное поле которой часто ограничено его пределами.

Об этом наглядно свидетельствует частотность употребления Анной Андриановной в ее дневнике слова «дом». Всего в тексте это слово повторяется 75 раз, из них относительно своего собственного жилья героиня употребляет его 49 раз, остальные 26 упоминаний слова «дом» обнаружены в словах дочери героини Алены, и в речи самой героини применительно к домам знакомых Анны Андриановны.

Для понимания того, как Анна Андриановна относится к своему дому важно то, что повесть (т.е. дневник героини) начинается с описания домов, в которые глава семейства приходит с целью «подкормить» своего внука. И неизменно при упоминании не своего дома Анна Андриановна сопровождает слово «дом» определенном «чужой». Внук Тимочка закатывает истерику в «чужом доме», пытаясь отвоевать «американскую машинку», Анна Андриановна испытывает «муки голода за чужим столом» [6, 310]. Часто отстраненность чужого жилья Анна Андриановна подчеркивает употреблением при слове «дом» слов «этот», «один». Например, «Еще лучше было в одном доме, куда мы зашли с Тимой к

очень далеким знакомым, нет телефона...» [6, 314]; «Все, больше нам сюда дороги нет, этот дом я держала на большой запас, на совсем уже крайний случай. Теперь все, теперь в крайнем случае надо искать будет другие каналы» [6, 315].

Четкое отделение чужого дома от своего проступает и в устойчивом мотиве защиты своего жилища от внешних на него посягательств. В этой связи важно, что непосредственно вслед за речью о чужих домах Анна Андриановна вспоминает о случае, когда некий незнакомец намекал ей о своем желании провести в ее доме ночь. «Сам грязный, потный, денег, видимо, много, и смотрит ласково, а то, говорит, гостиницы все заняты. Мы вас знаем! Мы вас знаем! Да! Бесплатно хочет переночевать за полкило гранатов. И еще какие-то там мелкие услуги, а чайник ставь, простыни расходуешь, крючок на дверь накидывай, чтобы не кланчил, – у меня все просчитано в уме при первом же взгляде. Как у шахматистки» [6, 315].

А чуть позднее Анна Андриановна ясно дает понять, что не потерпит посягательств на свой дом не только чужих людей, но и своих собственных детей. Например, так она описывает в дневнике один из случаев прихода в родительский дом сына Андрея: «И Андрей ко мне приходит, требует свое. Он у жены, так и живи, спрашивается. Требует на что? На что, спрашиваю, ты тянешь у матери, отрываешь от бабушки Симы и малышки? На что, на что, отвечает, давай я сдам мою комнату и буду иметь без тебя столько-то рублей. Каку твою комнату, изумляюсь я в который раз, каку твою, мы прописаны: баба Сима, я, Алена с двумя детьми и только лишь потом ты, плюс ты живешь у жены. Тебе тут полагается пять метров. Он точно считает вслух: раз комната пятнадцать метров стоит столько-то рублей, откуда-то он настаивает именно на этой сумасшедшей цифре, поделить на три, будет такая-то сумма тридцать три копейки. Ну хорошо, соглашается он, за квартиру ты платишь, подели на шесть и отними. Итого ты мне должна ровно миллион рублей в месяц. Теперь так, Андрюша, в таком случае, говорю я ему, я на тебя подам на алименты, годится?» [6, 316-317]

Это далеко не единственный эпизод борьбы за «квадратные метры», разгорающейся на пространстве дома Анны Андриановны. Аналогичные столкновения происходят и между матерью и дочерью. Алена, дочь Анны Андриановны, большую часть времени, очерченного рамками повествования, пребывает вне родного дома. Она периодически уходит из дома к отцам своих детей. Но так было не всегда. В период своего первого незарегистрированного замужества, еще в студенческие годы, Алена привела отца своего первого ребенка в дом к матери. Тут-то и разгорелась настоящая борьба за жилплощадь. Анна Андриановна, не приняв своего зятя, постоянно упрекает его в иждивенчестве, в том, что он женился на Алене ради прописки. В итоге бесконечных стычек с зятем и дочерью Анна Андриановна прямо заявляет об этом. «Я сказала им, что не пропишу их мужа, так они быстрее получают в общежитии комнатку для семейных, в доме воцарилась буря со слезами Алены. Ах, он женился из-за прописки, сказала я. Пусть разженивается обратно» [6, 332].

Интересно, что в дневнике Анна Андриановна не прописывает ничего о том, насколько подтверждены ее подозрения по поводу притязаний сожителя Алены на жилплощадь. Это только ее подозрения. Она сама для себя решила, что «город

Тернополь», так она называет зятя, главной своей целью поставил прописаться в ее доме. При этом Анна Андриановна благополучно забыла, что сама добивалась через угрозы довести дело до исключения из вуза, если он не женится на забеременевшей Алене.

С этого момента в повесть входит мотив «коммунального общежития». Пространственные отношения Анна Андриановна – Алена – «г. Тернополь» заходят в тупик. Анна Андриановна с ненавистью замечает, как ее зять каждое утро тщательно бреется в ванной, как он съедает, «сметает» все купленные ею продукты, с состраданием – как ее дочь «легко-легко плачет», разрываясь между двух огней. Но ее сострадание оказывается значительно слабее желания не допустить на свои квадратные метры «чужого» человека, пусть даже он отец ее внука.

Героиня замечает, что и без того отдалившаяся от нее дочь теперь и пространственно отделилась от матери: она заперлась со своим мужем и детской комнате. «Они пошли в ту комнату, в бывшую детскую, и там засели, и она носила ему еду. Они там выкушали салат, по весеннему времени картошка с луком с майонезом, потом бадью супу, потом последние три котлеты, которые я вертела, слава Богу, с половиной хлеба для величины. Я ждала из тюрьмы Андрея и сэкономила даже на Аленушке, не говоря о себе. Мне не надо ровным счетом ничего, я и так полнею от чашки чая, такие пришли времена. Он (Они) выжрали три котлеты, Алена, по-моему, осталась ни при чем» [6, 330].

В свою очередь Анна Андриановна тоже пространственно отделилась от новоиспеченной семьи: «Я стала просто не выходить из своей комнаты» [6, 332]. Автор дневника подробно описывает, как квартира постепенно превращается в типичную советскую коммуналку: «Холодильник выключила, во-первых, энергия впустую, во-вторых, я, оскорбляемая, одинокая, брошенная ею мать, как должна реагировать на то, что притащишь домой две полные сумки после дня очередей, а у них «жадный гость пришел и все съел»? (по ее меткому выражению). Гости не давали просохнуть народной тропе в нашу квартиру, всех трогала их ситуация голодающей беременной пары, находящейся в медовом периоде, и Она, торжествуя, несла на кухню Их картошку, Их сто грамм масла и Их колбаску. Плыли аппетитные запахи вплоть до того, что даже уносили мой единственный чайник» [6, 332].

Сама же героиня, запершись в своей комнате, приносит себя в жертву своему нежеланию делиться «квартирой», которую она практически никогда не называет своей, Анна Андриановна всегда при слове дом, квартира употребляет местоимение наш, наша. Но, тем не менее, всем своим поведением она дает понять, что именно она полновластная владелица жилого помещения, где живут или не живут лишь те, кому ею позволено жить. Поэтому она всячески оправдывает не только то, что она всеми средствами выживает с трудом добытого зятя, но и то, что свою мать она отправляет в богадельню. Сама же она демонстративно закрывается от претендентов на жилплощадь, не просто уходит в свою комнату, но в короткий срок приглашает слесаря, который врезает замок в ее двери.

Здесь, в пространстве ее дома комната, в которой она укрылась от неблагодарных детей, впервые сравнивается с тюремной камерой: «Я, голодая

перед приездом из колонии моего единственного любимого сына, экономя на всем, кипятила себе воду в кастрюле, пустую чистую воду, и ела чай с хлебом на ужин, завтрак и обед, тюремную еду. Раз он там так, я здесь тоже так» [6, 332].

В значительной степени нежеланием делиться «своим» пространством определяется и отношение к несостоявшимся спутникам жизни дочерей: мать Анны Андриановны в свое время также как и сама героиня теперь выдворила-выжила из некогда «своей квартиры» отца своих внуков – сожителя дочери – Анны. Таким образом, мы видим, что в повести «Время ночь» дом утрачивает свои функции «крепости» – защиты, столпа, опоры и надежности. Дом становится сгустком отношений между людьми, отражая новый характер их связей.

Если попытаться проникнуть в самую суть такого отношения к дому, то необходимо посмотреть на то, какими словами героиня характеризует место проживания. Если в начале повести Анна Андриановна по преимуществу называет место, где живет она и ее семья «дом», то с усугублением отношений между матерью и детьми все чаще в ее речи появляются слова «квартира» и «комната». Если слово «дом», как мы указывали, употребляется Анной Андриановной 49 раз, то слова «квартира» и «комната» – 23 и 60 раз соответственно. Заметим, что в речи Алены слова «квартира» и «комната» не встречаются. Замена слова «дом» на слово «квартира», на наш взгляд, в значительной степени способствует обнажению конфликта, разгоревшегося за «квадратные метры».

Отношение Анны Андриановны к дому и возможности проживания в нем всей семьи проясняется не только тем, что героиня предпочитает называть дом квартирой. В ходе повествования понятно, что именно Анна Андриановна сделала невозможным проживание на одной территории трех поколений своей семьи. Только в финале повести становится абсолютно ясно, на какой почве произрастает вся эта борьба за выживание из дома практически всех членов семьи. Анна Андриановна после неудачной попытки вернуть свою мать их психоневрологического диспансера домой (кстати, не ради восстановления целостности семьи, а ради пенсии бабы Симы) возвращается измученная в свою квартиру, и в ее дневнике записано следующее: «Закон. Закон природы. Старое уступает место молодым, деткам.

Я подошла к моей священной обители, не стала звонить, тихо так открыла, было темно и тепло» [6, 395]. Именно потому, что Анна Андриановна воспринимает дом как свою священную обитель, она и не позволяет никому посягать на нее.

Физическое пространство дома для Анны Андриановны постепенно сужается до минимума. Целый дом, кухня, которая используется членами семьи как место, в котором можно уединиться, комната Анны Андриановны, часть ее комнаты – диван, на котором сидит баба Сима во время болезни и, наконец, продавленная долгим сидением на одном месте «норочка» на этом диване. Но и духовное пространство Анны Андриановны, не смотря на то, что она поэт, нельзя назвать богатым. Любовь к своим детям она выпячивала, утверждая, что она их любит, но не было в этих отношениях того проявления любви, к которому все привыкли. Таким образом, художественное пространство Анны Андриановны на

протяжении всего повествования – статично, постоянно, ограниченно, а, следовательно, замкнуто.

Дневник ведется Анной Андриановной (считающей себя «поэтом» в подражание Анне Ахматовой), явно желающей, чтобы эти записи когда-нибудь после ее смерти были прочтены. Это ее последняя и возможно единственная попытка утвердить свое главенствующее положение, ведь с дневником, особенно прочитанным после смерти, уже не поспоришь: «Пусть прочтут, кто есть кто, но позже, что такое я и что есть она! Надо положить их обратно на шкаф, она все равно докопается, вспомнит, она все эти годы ищет и ищет свой дневник как маньяк, она умрет, если узнает, но теперь она далеко. И я пишу это и для нее, чтобы она сама все поняла, чья жизнь какая! Да!» [6, 324].

Ю.М.Лотман отмечает: «Смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферу вечного и неизменного» [4, 8-9]. На первый взгляд, вопросы вечности бытия не беспокоят героиню Петрушевской. Многократно повторенными стали слова о том, что жизненные обстоятельства, в которые помещены героини не дают им даже малейшей возможности задуматься об этом, и не только, но даже и проявить элементарные человеческие чувства друг к другу. Пример Анны Андриановны – яркое подтверждение этому. Но даже у нее возможно из глубокого подсознания прорывается мысль о том, что она становится нестерпимой помехой, разрушающей жизненные устои. Проявлением прозрения можно считать мысль, высказанную Анной Андриановной, после неудавшейся попытки вернуть домой мать: «Дома дети, Алена, я ей нужна, куда в этот детский очаг наше говно и пропахшие мочой одежды, наша старость. Вообразить рядом запахи мыльца, флоксов, глаженных пеленок, зачем я все эти сутки пугала мою бедную Алену, мне самой-то надо уйти». Важно здесь то, что героиня употребляя здесь слово «дом» ассоциирует его с «детским очагом», а готовность уйти, связывает с осознанием своей неправоты по отношению к дочери, тем самым ставя точку в борьбе за квадратные метры.

Таким образом, пространство героев в повести «Время ночь» выступает, как важнейший источник представлений их чувств о мире, а отношение к дому каждого персонажа произведения дает нам возможность увидеть и полнее постигнуть их внутренний мир. Пространственное поле часто ограничено пределами дома, квартиры, комнаты, что свидетельствует о замкнутости художественного пространства и тенденции в его сужению. Отделение чужого дома от своего прорывается в устойчивом мотиве защиты своего жилища от внешних на него посягательств. На уровне словоупотребления замена слова «дом» на слово «квартира» в значительной степени способствует обнажению основного конфликта повести.

Литература:

1. Липовецкий М. Свободы черная работа (об «артистической» прозе нового поколения) // Вопросы литературы. 1989.
2. Цит. по: Попова С.В. Дом в зарубежной литературе XX в. // Проблемы поэтики и стиховедения. – Алматы. 2003.

3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М. 1977.
4. Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре. СПб.. 1994. - С. 109.
5. Fresli Mihály (2015) Kulturális hálózatok, Szombathely pp. 1-221. – С. 18-23.
6. Петрушевская Л.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1. – Харьков: Фолио; М.: ГКО АСТ. - 1990. - С. 312.

